

Apps for apes: приложения для приматов

Зоопарк Торонто, ясный солнечный день. Стайки детей в сопровождении учителей и родителей увлеченно перемещаются от одного вольера к другому. Некоторые из них достают телефоны и шлют сообщения, делают фотографии — и доступ к высоким технологиям словно объединяет их в некое неформальное братство. Шумно галдя, они собираются около большого куполообразного вольера, оформление которого имитирует многоуровневый индонезийский лес — здесь есть и гнезда в кронах деревьев, и ручеек, что вьется внизу; дети наблюдают за тем, как две самки орангутана и их детеныши безошибочно пробираются сквозь густые заросли толстых плоских лиан (на самом деле это пожарные шланги). Орангутаны с их вихляющей походкой — главные воздухоплаватели царства приматов; их руки, достающие до лодыжек, словно созданы для того, чтобы гулять поближе к небу; у них есть и противопоставленные большие пальцы рук, и крупные большие пальцы ног; они виляют коленями, и у них

искривлены лодыжки. По сути, все это означает, что они могут выкрутиться и принять практически любую позу где угодно. Я в изумлении наблюдаю за молодой самкой, которая, раскачиваясь, плавно перелетает с лианы на лиану, после чего неожиданно хватается две из них широко расставленными ногами и руками, выпрямляет бедра параллельно земле, выкручивает запястья — и зависает там, наверху, словно орангутановый воздушный змей, залетевший в вольер и запутавшийся в верхушках деревьев.

Мы уже давно не ходим, опираясь на выставленные вперед кулаки, но иногда все еще испытываем острое желание попрыгать и повисеть где-нибудь так же, как это делают обезьяны; вот для чего, оказывается, нужны турники на детских площадках. Однако по сравнению с приматами мы хилыки с малоподвижными суставами. Может, наши гены и совпадают с генами орангутанов на 97 %, но они так и остаются рыжими танцорами древесных крон, а мы — болтливыми обитателями поверхности земли. В дикой природе орангутаны проводят большую часть своей жизни в воздухе, грациозно маневрируя и раскачиваясь, словно маятники; в основном эти животные — одиночки, которые объединяются в пары только для рождения потомства. Каждые 6–8 лет матери выращивают по малышу: они ухаживают за детенышами и учат их правилам лесной жизни — малыши должны уметь распознавать съедобные фрукты, а некоторые не так уж просто очистить или расколоть — кожа бывает очень прочной или, к примеру, покрытой шипами, словно средневековое оружие.

Одна из самок орангутана приземляется, словно скатившись по горке-невидимке, подбирает палку и пихает ее в дупло дерева, собирая на нее что-то съедобное, что тут же сует себе в рот. Еще недавно такие шумные, дети затихают и, не отводя глаз, наблюдают за тем, как ловко она орудует инструментом — и особенно как ест лакомства с конца палки: очень похоже на то, как люди иногда едят с кончика ножа.

За лужайкой, довольно далеко от толпы туристов, длинноволосый семилетний мальчик-орангутан пристально смотрит на экран айпада, иногда прикасаясь к нему одним пальцем; при этом из динамика раздаются звуки львиного рыка, а за ними — смешной клич фламинго. Мальчик смотрит на меня своими большими карими миндалевидными глазами, выглядывая из-под прядки красноватых рыжих волос.

Если моя грива черных волос, от жары многократно распушившаяся в объеме, и удивляет его, то он не подает виду. Глядя мне в глаза буквально одно мгновение, он возвращается к занятиям на своем — явно более интересном, чем я, — айпаде, который сначала крепко сжимает руками, а затем и ногами. Удивительно чистые у него ноги, надо признаться, а также самые большие ладони, что я когда-либо видела у семилетнего мальчика. Такая ладонь может с запасом накрыть мою!

Впрочем, для суматранского орангутана в этом нет ничего особенного; Буди — его имя переводится с индонезийского как «мудрец» — растет быстро и уже начинает подавать первые признаки полового созревания: у него появился пушок — зачатки усов и бороды, а также вы-

пуклая форма лица, которое в один прекрасный день украсит роскошный двойной подбородок — он будет надуваться и вибрировать, когда Буди, взрослый самец весом 200 фунтов¹, будет издавать свой фирменный призывный клич, в котором сольются тоскливые стоны, щелканье и хриплый стрекот. Однако пока на его лице нет никаких следов выпуклых щечных наростов, которые позднее обрамят его, образуя собой некий естественный рупор — он поможет Буди транслировать свои крики на расстояние не менее 500 м сквозь густую листву.

Его компаньон, Мэтт Берридж, отличается высоким и худым телосложением, ему около 40 лет, у него темные волосы — и он держит айпад у прутьев вольера, чтобы Буди мог играть с ним, но не мог унести и разломать. У старшего смотрителя зоопарка за орангутанами Мэтта есть двое маленьких сыновей, и они оба — большие поклонники айпада. Юные приматы остаются таковыми в любом контексте, как ни крути.

Спонсор программы Apps for Apes («Приложения для приматов») — международное движение Orangutan Outreach²: популяция диких орангутанов в мире стремительно сокращается, и движение старается улучшить условия жизни тех, что живут в неволе, предоставляя им возможности для умственного развития и среду обитания, как можно активнее стимулирующую мышление. У стимуляции разума как задачи высокий приоритет, потому что в умственном плане крупные приматы сопоставимы

¹ 200 фунтов = ~91 кг. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² «Программа помощи орангутанам».

с трех- или четырехлетним детенышем человека; и они не менее любознательны. Ловко орудуя инструментами, орангутаны во многих ситуациях используют палки — от сбивания фруктов с деревьев до добычи муравьев и термитов. Они изготавливают себе некое подобие перчаток из листьев для защиты ладоней, когда угощаются колючими фруктами или карабкаются по колючим лианам. Эти убежденные дневные жители ежедневно до заката сооружают себе свежую подстилку из листьев в кроне деревьев. Они прячутся от чрезмерного солнечного света и тепла под импровизированными зонтами из крупных листьев и умеют делать из них головные уборы и навесы, которые защищают от дождя. Захотелось попить воды? Они разжевывают и скатывают в шарик листья, превращая их в природную губку, которую затем макают в скопившуюся тут или там дождевую воду. Прежде чем пересечь ручей, приматы измеряют его глубину с помощью ветки. Они составляют и удерживают в памяти «живые» карты расположения всех деревьев со съедобными плодами, что растут в их среде обитания.

И, как и их близкий приятель человек, орангутаны обожают играть с айпадами. Но зависимость от них у приматов не развивается. Они далеко не так зачарованы технологиями, как мы с вами.

— У меня есть сын семи лет, — рассказывает мне Мэтт. — Так вот *он* только и делает, что сидит за айпадом. Он — но не Буди.

Нашему мохнатому малышу очень нравится экран с подсветкой, но он ни за что не просидит, ссутулившись, не-

сколько часов кряду, просто уставившись в него. «Как так вышло, что *мы* оказались так страстно влюблены в вещь столь неестественную, да еще и отбирающую нас у всех остальных и всего остального? — задается вопросом Мэтт. — С одной стороны, хочется иногда своих детей чем-нибудь занять; а с другой — когда видишь, что орангутаны относятся к айпадам совершенно нейтрально при всем их высоком интеллекте, волей-неволей задумываешься: а сами-то *мы* не зря проводим столько времени, уткнувшись в эту... вещь? Да взять, к примеру, меня самого! Знаете, я уже давно не бросаю вызов своей памяти — я просто тыкаю пальцем в экран, — Мэтт изображает печатание на сенсорной клавиатуре. — Я уже почти полностью зависим от этих машин. Что же это получается — я ослабляю свой мозг?..»

«Клубника!» — произносит женский голос в тот момент, когда Буди касается пальцем клубники на экране. «Клубника!» — повторяет голос, когда орангутан находит такую же картинку. Мэтт поощряет его мелкими кусочками свежей клубники, яблочка и груш. Богатые тропические леса Суматры — это настоящий рог изобилия, полный экзотических фруктов, которые так любит Буди.

Другое приложение — на экране появляется водная гладь — изумляет Буди. Выглядит как вода, дрожит как вода, а прикосновение к экрану вызывает на нем брызги и пускает круги по водной глади. Но пальцы остаются сухими! Орангутан подносит их к носу и принюхивается, но водой не пахнет. С точки зрения его органов чувств, это странно. Правда, общение с людьми и другими орангутанами по скайпу — еще более странно.